

## *Оглавление*

- Борисова Е.О. Лексика со значением медленного движения в русских говорах: мотивационный аспект
- Галактионов А.П. Сложные слова с компонентами-англицизмами в современном русском языке
- Жданова Е.А. Словообразовательный потенциал аббревиатур (на материале словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»)
- Жесткова О.С. Преломление языковой картины мира через семантическую структуру девербатива
- Захарова О.С. К вопросу о градуальном характере окказиональных единиц
- Орлова А.А. Семантический анализ словообразовательных цепей
- Пак Кын Хе. Изменения в системе словообразовательных гнезд в результате появления неологизмов
- Самыличева Н.А. Окказиональные слова, созданные на базе прецедентных текстов (на примере нижегородских СМИ)
- Стрижевич Е.В. О словообразовательной активности иноязычных производных существительных с вещественным значением

## Лексика со значением медленного движения в русских говорах:

### мотивационный аспект

Борисова Елизавета Олеговна

Студентка Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия

«Представление о скорости как объективно-существенной характеристике движения и его субъекта является, очевидно, конструктивным и информативным элементом картины мира» [Варбот: 115], что доказывается в том числе и большим количеством номинаций, характеризующих скорость передвижения, во всех формах существования языка. Но особую значимость эта смысловая категория приобретает в говорах, поскольку диалектная лексическая система ориентирована прежде всего на описание бытовой сферы жизни, физического труда, и скорость нередко оказывается одним из параметров оценки полезной деятельности, включается в народную аксиологию.

Лексико-семантическое поле «характеристика движения по скорости» состоит из двух лексико-семантических зон: «быстрое передвижение» и «медленное передвижение». В данной работе нами анализируются русские диалектные слова различной частеречной принадлежности и фразеологические сочетания, в значении которых есть сема медленного движения ('медлительный', 'медлить' и т. п.). Анализ проводится в мотивационном аспекте: выделяются мотивационные модели, лежащие в основе образования диалектных слов, с целью выявления специфики представлений о скорости в народной языковой картине мира. Материал для исследования извлечен из различных диалектных словарей русского языка.

Специфичными для диалектной лексической системы можно считать метафорические обозначения любых медленных действий с помощью определенных «**эталонов медлительности**». Эталоном становится долгая, однообразная работа, представляющая последовательность повторяющихся (обычно мелких) движений, из «разряда» животноводческой, полевой и т. п.: например, карел. (рус.) *коноводиться* 'что-нибудь медленно делать по хозяйству' < *водить коней*; арх. *затынивать* 'делать что-либо медленно, бестолково; канителиться' < арх. *заты́нивать* 'обносить что-либо забором, частоколом; загораживать'; перм. *марэну копать* 'медленно что-либо делать' (*марена* – растение, используемое для окраски тканей и в народной медицине; марену трудно выкопать, поскольку у нее ползучее ветвистое корневище).

Значение медлительности может передаваться и через указание на **отсутствие деятельности**: выполняющий работу с низкой скоростью уподобляется тому, кто слишком долго отдыхает, или бездельнику, ср. пск., твер. *разъедаться* 'медлить, мешкать'; амур. *дуванить* 'медлить' < амур. *дуванить* 'долго пить чай, сидеть за чаепитием'.

Номинация медленных действий осуществляется также через ассоциирование их с **движениями и положением в пространстве субъекта**. В этой группе выделяются следующие мотивирующие характеристики движений и положений:

1. Совершать беспорядочные вращательные, колебательные движения (медленное действие оценивается как нерезультативное, причиной чему является непоследовательное, «суетливое» выполнение работы): арх. *ajúшить* 'мешкать, медлить, проявлять нерешительность, колебаться' < арх. *ajúшить* 'что-либо вращать, вертеть, крутить вокруг оси'; ср.-урал. *егошиться* 'мешкать, медленно делать, возиться' < ср.-урал. *егошиться* 'неспокойно сидеть, ерзать';

2. Воздействовать на объект, прикладывая значительное усилие: вят. *протягать* 'тянуть, медлить, не торопиться' < простореч. *тягать*; влад. *волоковато* 'длинно, долго, медленно' < *волоком* (нареч.);

3. Совершать мелкие и частые движения (медленная работа уподобляется действию, совершаемому неохотно, без старания, «понемногу», поскольку мелкие и частые движения зачастую не требуют значительных усилий): ср.-урал. *коря□ баться* 'мешкать, медленно делать' < простореч. *корябать* 'царапать';

4. Передвигаться медленно или двигаться в ограниченном пространстве и без определенного направления: карел. (рус.) *nápolza* 'о медлительном человеке' < *ползать*; ср.-урал. *топтун, топтунья* 'нерасторопный, медлительный человек' < *топтать*;

5. Не совершать движений, быть статичным: карел. (рус.) *неповороткий* 'неуклюжий, медлительный, нерасторопный' (ср. ряз. *вёртко* 'быстро, скоро');

6. Занимать большое пространство: арх., свердл. *прошириться* 'провозиться (с какими-либо делами), промешкать'; брян., ворон., калуж. *растопыра* 'вялый, медлительный, нерасторопный человек.

«Донорами» для обозначения медлительных людей могут стать названия **предметов материального мира**, имеющих большой размер и особую форму: ср.-урал. *пестёрь* 'медлительный, небойкий, нерасторопный человек' < сев.-рус., ср.-урал. *пестёрь* 'большая корзина, плетенная из лыка, бересты, или дранки'.

Медлительные люди ассоциируются и с представителями **фауны** – птицами, животными и насекомыми, которые неспособны к быстрому передвижению, ср. куйбыш. *куры́н* 'о неповоротливом, медлительном, малоэнергичном человеке' (ср. сарат., куйбыш., пенз., урал., чкал. *куры́н* 'индюк'), перм. *как сытая вошь*, перм. *как вошь по гáснику* 'медленно, неповоротливо'.

Таким образом, для номинации невысокой скорости используются различные мотивационные признаки, которые могут быть условно разделены на три группы:

1) Характеристики деятельности (действия, осознаваемые как «эталоны» скорости);  
2) Отношение субъекта к деятельности (нежелание субъекта прикладывать усилия к выполнению работы);

3) Свойства субъекта (его неспособность работать с «нормальной» скоростью – например, указание на слишком крупные размеры).

#### Литература

*Варбот Ж.Ж.* Славянские представления о скорости в свете этимологии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 115-129.

### Сложные слова с компонентами-англицизмами в современном русском языке

Галактионов Андрей Павлович

Аспирант Уральского государственного технического университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

На рубеже XX-XXI вв. пополнение лексического фонда русского языка особенно активно происходит за счет иноязычных заимствований, прежде всего англицизмов. Влияние английского языка на русский проявляется не только в заимствовании отдельных слов или элементов других уровней, но и в формировании особых классов слов. В XXI в. в русском языке активизировался процесс образования так называемых графодериватов – слов, образованных сочетанием кириллических графем с элементами других знаковых систем. Частным случаем графодеривации является образование полиграфиксатов – лексем, содержащих в своем составе элементы как иноязычной графики (чаще всего латиницы), так и кириллической.

Латинская графика может оформлять разные элементы русского слова:

1. Графемы. *Ксюша ин да хаус*, [Махим, февраль 2005];
2. Морфемы. *Ре:акция* [Ре:акция, Февраль 2006];
3. Компоненты сложного слова. *Мы работаем с house-музыкой* [Выбирай, 1-31 января 2007].

Среди таких производных весьма значительную группу составляют сложные слова – около 60% от всех собранных полиграфиксатов.

Композиты-полиграфиксаты, выделенные в ходе исследования, имеют в своем составе от одного до четырех латинизированных компонентов, и всегда только один кириллический компонент: *Работа на fashion-показах...* [Выбирай, 1-15 ноября 2007]; *В*

их песнях слышался **кокни-акцент** и **British-cool-настроение** [Maxim, февраль 2005]; *Автомобильная электроника: автомагнитолы, CD\MD\DVD-чэнджеры* [www.e-katalog.kiev.ua]; *Панк-поколение обретаем live-fast-die-young-идола*. [Maxim, февраль 2005].

При этом в подавляющем большинстве композитов-полиграфиксатов первыми идут компоненты, пишущиеся латиницей, а кириллический элемент, стоит в конце. *Гаджет оснащен Bluetooth-модулем версии 2.0*, [Компьютерра, № 24, 2008].

Такой порядок следования латинизированного и кириллического элементов, вероятно, обусловлен синтаксическими особенностями мотиватора. Как показывают наблюдения, все композиты-полиграфиксаты мотивируются подчинительным словосочетанием. При этом главным компонентом во всех мотиваторах всегда является тот, который стоит последним, т. е. слово в кириллическом написании, остальные компоненты обозначают различные его признаки: *...редко на каком курорте встретишь столько fashion-бутиков*. [МН, февраль 2007]. Главное слово здесь – *бутик*, слово *fashion* играет роль определения.

Поскольку в образовании подобных единиц используются англоязычные и русскоязычные существительные, внутреннюю «синтаксическую» структуру графодериватов можно рассматривать с точки зрения русского и английского синтаксиса. Беспредложные сочетания существительных присутствуют как в русском, так и в английском языках. Однако в русском языке определяемое существительное обычно ставится первым, в английском же языке оно всегда стоит последним. Во всех рассмотренных примерах определяемое существительное также стоит последним. Следовательно, можно предположить, что мотиватором при образовании таких слов служит англоязычная конструкция – цепочка существительных.

В качестве латинизированного компонента графодеривата могут выступать языковые единицы разных уровней, что позволяет выделить 3 группы полиграфиксатов:

1. Полиграфиксаты, иноязычные элементы в которых представляют собой отдельные слова. К этой категории относятся графодериваты с одним иноязычным элементом: (*Windows-версия популярной программы*), либо такие примеры, как *Nano-Silver-картридж*. [МН, февраль 2007]. Мотивирующее эту лексическую единицу словосочетание представляет собой существительное с двумя приложениями, никак не связанными между собой.

2. Полиграфиксаты, иноязычные элементы в которых представляют собой английское словосочетание, так в состав слова *high-end-изделие* входит англоязычное словосочетание *high end: линейка моделей, ... отвечает всем требованиям ... от самых простых моделей до high-end-изделий*. [Новости Электроник 5, 2008].

3. Полиграфиксаты, иноязычные элементы в которых представляют собой предложение: «*панк-поколение обретаем live-fast-die-young-идола*» [Maxim, февраль 2005]. Данный пример свидетельствует, что из английского языка заимствовано предложение: *Live fast, die young* («Живи быстро, умри молодым»), распространенный лозунг молодежного субкультурного движения.

Независимо от статуса латинизированного элемента компоненты сложных полиграфиксатов могут быть разделены дефисом (*Nano-Silver-картридж*) либо писаться слитно (*Newsблок*), возможен также вариант, когда два корня имеют общую графему, которую можно рассматривать и как латинскую и как кириллическую одновременно, как, например вторая графема *м* в слове *Махімир*.

Таким образом, полиграфиксаты-компози́ты, у которых один компонент передан кириллицей, а второй заимствован из английского языка с сохранением исходной графики, представляют собой довольно значительную группу неологизмов русского языка XXI в.

Такие производные обладают рядом особенностей:

1. Частеречной однородностью: все полиграфиксаты русского языка, обнаруженные нами, относятся к именам существительным;
2. Функциональной однородностью: большая часть полиграфиксатов выполняет номинативную функцию, значительно меньшая – экспрессивно-игровую;
3. Разной степенью сложности, обусловленной количеством латинизированных компонентов (от 1 до 4) и их уровневой природой (принадлежностью графемам, морфемам, словам, словосочетаниям или предложениям);
4. Особенности сочетания русского и английского компонентов: латинизированный элемент всегда идет первым и обозначает признак явления, названного русским существительным;
5. Мотиватором русских полиграфиксатов служит не столько русская, сколько английская синтаксическая структура, о чем свидетельствует устоявшийся порядок следования русского и английского компонентов внутри полиграфиксата и семантические отношения между ними.

**Словообразовательный потенциал аббревиатур  
(на материале словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по  
материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»)**

Жданова Елена Александровна

Аспирантка Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,  
Нижний Новгород, Россия

Аббревиация считается одним из самых молодых способов русского словообразования. Появившись чуть более века тому назад, она оказалась весьма востребованной говорящими. «С помощью этого способа образуются сложносокращенные имена существительные. <...> Слова эти возникли и продолжают возникать в результате стремления сократить длинные, многословные составные наименования» [Лопатин: 41-42]. Рядом ярких особенностей обладают инициальные аббревиатуры, которые на современном этапе развития языка стремятся к «словоподобию»: «современные акронимы стремятся приблизиться к обычным словам», следствием этого является и то, что «активизировалось и употребление производных от слов-акронимов» [Сенько: 412]. Разные аббревиатуры обладают разным словообразовательным потенциалом.

Наиболее регулярно от акронимов образуются агентивы и прилагательные. При образовании названий лиц по профессиональной принадлежности, политической приверженности или интересам (*агэшник, айфовец, ВВшник, гэбэшник* и т.д.) могут использоваться суффиксы *-ец, -ник, -ист*, нередко осложненные интерфиксами: *-овец, -шник (бэнээфовцы, капэээсовцы, КГБшник* и т.д.). Появление интерфикса *-ов-* регулярно наблюдается у образований с суффиксом *-ец*. При использовании суффикса *-ник* можно проследить следующую закономерность: если производящей является буквенная или звуковая аббревиатура, заканчивающаяся на гласный звук (например, ГРУ, ГИБДД [гибэдэдэ]), то при присоединении суффикса используется интерфикс *-и-*. Если же производящая аббревиатура заканчивается на согласный звук, то суффикс *-ник* присоединяется непосредственно к ней. Оба суффикса используются достаточно регулярно, при этом они не конкурируют между собой. С помощью суффикса *-ник/шник* чаще всего образуются агентивы-названия лиц, принадлежащих к той или иной профессии, занимающихся деятельностью в рамках той организации, которая названа в производящей аббревиатуре: *ВВшник < ВВ (Внутренние войска), грушник < ГРУ (Главное разведывательное управление)*. От агентивов с данным суффиксом могут образовываться и имена-названия лиц женского пола: *гэбэшница*. Суффикс *-овец-* используется чаще при образовании агентивов, называющих сторонников и приверженцев той или иной политической партии, общественной структуры: *ДВРовцы < ДВР (политическая партия Демократический выбор России), АОДовец < АОД (общественно-политическая организация*

Армянское общенациональное движение), *капээсэсовцы* < КПСС и т.д.; отмечаются также образования с данным формантом, называющие лицо по профессии (*ГУОПовцы* < *ГУОП* (Государственное управление по борьбе с организованной преступностью)). Вероятно, выбор того или иного суффикса диктуется внутриязыковыми законами. Суффикс *-ист* является весьма продуктивным в современном русском языке, но в словаре-источнике отмечается только одно образование с данным дериватором - *ГКЧПисты*.

Подобное значение лица могут иметь и другие суффиксы, сочетающиеся с аббревиатурами, например, *-ульник* в жаргонизме *гебульник* ('то же, что гэбэшник').

Имена прилагательные от акронимов образуются с помощью суффиксов *-ск(ий)* (*гэкачепистский*), *-(и)н(ый)* (*каэспэшный*), *-ов(ый)* (*антиСПИДовый*). Самым распространенным является суффикс *-ск(ий)*, осложненный интерфиксом *-ов-*, с помощью которого образовано почти две трети (57%) прилагательных: *АиФовский*, *АОДовский*, *бээнэфовский*, *ВПКовский*, *каэнэровский* и т.д. Данный суффикс свободно сочетается как с аббревиатурами-названиями политических партий, так и с названиями стран, организаций и фирм. Наличие словообразовательных дублетов: *кагэбистский* - *кагэбэшный* - *кагэбэвский* объясняется, вероятно, экстралингвистическими факторами.

На базе аббревиатур могут создаваться также отвлеченные и предметные существительные: *гэкачепизм*, *кагэбэфобия*, *вэбовка* ('облигация валютного займа Внешэкономбанка (ВЭБ) России').

Акронимы последовательно сочетаются с суффиксами, сочетаемость их (или их производных) с префиксами менее регулярна, но тоже имеет место: *антиСПИД*, *доСПИДовый*, *внутриэсэнговский* и т.д.

Появление на базе аббревиатур новых слов связывается как с экстралингвистическими потребностями (необходимость обозначить реалии, соотносимые с той, которая названа аббревиатурой), так и внутриязыковыми причинами, в частности, стремлением к экспрессивности речи. Благодаря этой тенденции появились слова *бээмтуха*, *гэбуха*, *зушка* и т.д., которые не называют нового понятия, а используются для большей выразительности речи и имеют разговорно-сниженный или профессиональный характер употребления. В качестве производящей основы могут выступать названия техники или организации (*БМДшка* < *БМД* (Боевая машина десанта), *БМПшка*, *гебня* < *ГБ/КГБ* и др.). При этом используются суффиксы *-н(я)*, *-ух(а)* и *-ик(а)*.

От аббревиатур регулярно образуются новые единицы, вместе с тем акронимы обладают несколько ограниченным словообразовательным потенциалом: на их базе создаются в основном именные части речи. Кроме того, словообразовательные цепи с производящим-аббревиатурой состоят, как правило, из двух слов. Вероятно, словообразовательный потенциал аббревиатур в настоящее время реализуется не до конца, и в ходе дальнейшего развития языка акронимы будут активнее включаться в словообразовательный процесс.

#### Литература

Лопатин В.В. Рождение слова. М., 1973. С. 41-42.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2т / Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб., 2009. Т.1.

Сенько Е.В. Новые тенденции в образовании аббревиатур // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. Нижний Новгород, 2007. С. 412.

### **Преломление языковой картины мира через семантическую структуру девербатива**

Жесткова Ольга Сергеевна

Аспирантка Пензенского государственного педагогического университета имени

В.Г. Белинского, Пенза, Россия

В современном языкознании языковая картина мира – «та часть концептуального мира человека, имеющая «привязку» к языку и преломленная через языковые формы» [Кубрякова 1988: 142]. В каждом языке окружающая действительность мыслится и

воспринимается определенным образом, выражаясь в единицах всех уровней языка. Особую роль в экспликации языковой картины мира играет словообразование, что не раз подчеркивалось во многих теоретических работах (Улуханов И.С., Кубрякова Е.С. и др.), посвященных вопросам семантики и функционирования производного слова как языкового знака. Словообразовательная структура дериватов иллюстрирует, какие объекты и явления внешнего мира актуальны для языкового сознания человека и поэтому нуждаются в номинации, а также как устанавливается семантическая мотивированность производного слова: с какими первичными знаками и по каким моделям образуются новые мотивационные связи.

При достаточно полном описании процессов словообразования, актуальным остается исследование семантики производных слов как способа познания и концептуализации мира. Анализ производных слов и свойственных им значений позволяет понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1993: 23].

Объектом нашего рассмотрения являются имена существительные, мотивированные глаголами созидания и разрушения, с точки зрения соотносительности семантики исходного (1) и производного (2) слова и степени преобразования первой в процессе номинации явлений действительности. Помимо этого результаты исследования сопоставляются с аналогичным материалом в английском языке. Большая часть исследуемых девербативов в русском языке имеет значение *nomina actionis* и образована при помощи суффиксов *-ниџ-*, *-к-*, *-аниџ-*, нулевого суффикса: *воспроизведение*, *порубка*, *ликвидация* и т.п. В английском языке рассматриваются подобные по семантике девербативы на *-ing*, *-ion*, *-ment*, *-ance*, которые зачастую именуются перфектными существительными: *affliction*, *impairment*, *flogging* и т. п.

Анализ словообразовательных структур девербатива, отличающегося семантической двойственностью и неоднородностью, выявляет некоторые особенности, связанные с процессом категоризации действительности. Отглагольные существительные, выполняя номинативную функцию (создание ряда новых слов со значением процессуальности и предметности), имеют свой диапазон значений. При этом они преобразуют пропозициональное содержание глагола, отражая «один компонент ситуации или комплекс взаимосвязанных ситуаций» [Кубрякова 1997: 16]. Как правило, это субъектно-объектные семы, которые, по мнению А.А. Уфимцевой, являются константами сознания, единицами концептуальной модели мира и не могут не присутствовать в языковой картине мира. В семантической структуре исследуемых номинативов наблюдается также отражение других сем мотивирующего глагола (место, способность, качество). Так, существительное *выработка* обозначает не только действие по значению глагола *вырабатывать* (1-3 ЛСВ), *выработать*, *вырабатываться* (1,2 ЛСВ), *выработаться*, но и результат (2 ЛСВ *Обработка, отделка как результат работы*), а также место (4 ЛСВ *Место добычи полезных ископаемых*). Девербатив *performance* наряду с процессуальным (1 ЛСВ *The act of performing a play, concert or some other form of entertainment*), имеет значение способа (2 ЛСВ *The way a person performs in a play, concert, etc*) и качества действия (3 ЛСВ *How well or badly you do sth; how well or badly sth works*) по глаголу *perform*.

Пропозициональные структуры глагола, как известно, имеют различную степень сложности, следовательно, количество деривационных схем, используемых носителем языка для восприятия одного и того же объекта, может увеличиваться. Это обуславливает размытость рамок словообразовательного процесса и возникновение многочисленных групп производных существительных с одной мотивирующей основой и различными формантами: *ломать* – *ломанье*, *ломка*, *лом*; *break* – *breaking*, *breakage* и т. п.

Таким образом, семантика девербатива представляет собой богатый материал для дальнейшего исследования с точки зрения выявления особенностей влияния семантики

исходного слова на структурную организацию производного и на продуктивность тех или иных категорий мотивированных слов в процессе номинации. По словам Н.Ю. Шведовой, девербатив как всякое производное слово – это некий «механизм свертки более сложных и развернутых наименований в более компактные обозначения», а также «механизм модификации воспринимаемой ситуации в сознании человека, способность представить и описать наблюдаемое явление по-разному».

Литература

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака: Памяти Р. Якобсона // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С.20-27.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над русским семантическим словарем // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С.3-16.

**К вопросу о градуальном характере окказиональных единиц**

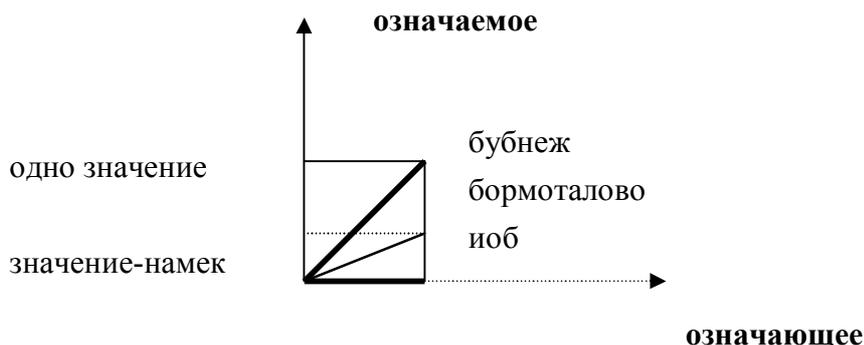
Захарова Ольга Сергеевна

Студентка Российского университета дружбы народов, Москва, Россия

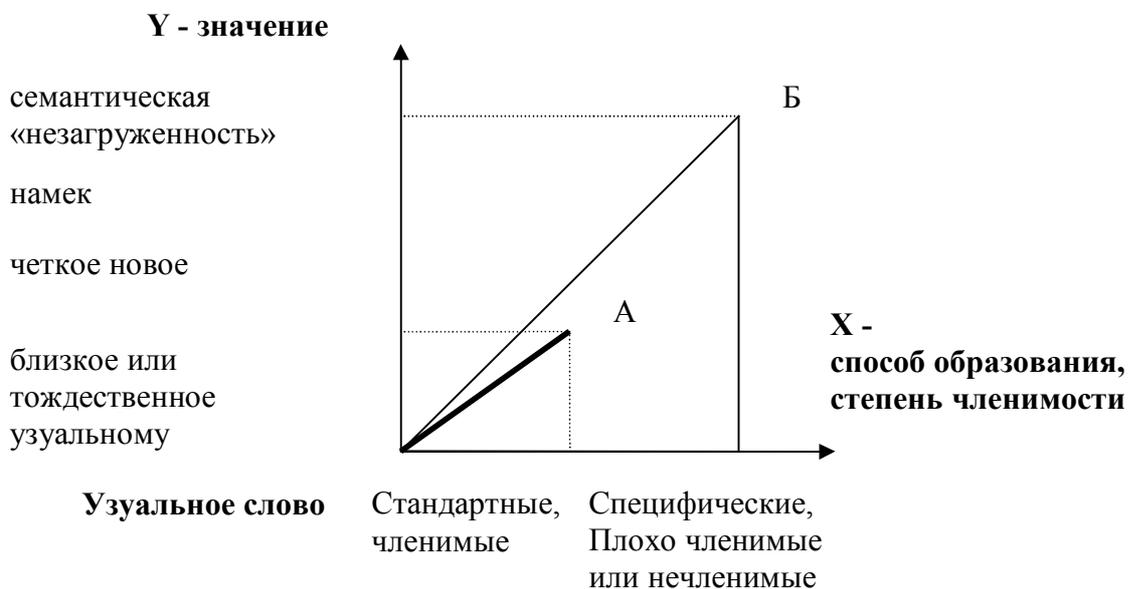
Образование окказионализма требует, как правило, нарушения узуальных законов словообразования. Причем это нарушение может быть как едва уловимым (например, у потенциальных слов), так и вполне очевидным. Таким образом, сфера неuzuального словообразования имеет широкий диапазон: от слов, близких к узуальным, до собственно окказиональных, индивидуальных новообразований, то есть окказиональное словообразование носит градуальный характер.

Наиболее очевидно градуальный характер окказионализмов обнаруживается при рассмотрении способов их построения. В зависимости от способа образования окказионализм может приближаться к узуальным словам (в случае, если он образован с помощью стандартных словообразовательных средств и способов при нарушении законов их действия) или отдаляться от них (в том случае, если окказионализм создан специфическим способом. Следовательно, на одном полюсе шкалы окказиональности находятся производные, образованные с помощью высокопродуктивных аффиксов, но с нарушением законов их функционирования; к противоположному полюсу шкалы относятся окказионализмы слабо членимые, за которыми стоит не вполне определенный языковой фон. Соответственно, чем выше степень членимости, тем окказионализм ближе к узуальным словам.

Однако градация окказионализмов прослеживается не только по их строению и степени членимости, но и по семантическим особенностям. Опираясь на теорию о номинативной факультативности окказионализмов [Лыков: 78; Попова, Рацибурская, Гугунава: 32], делаем следующий вывод: лексическое значение окказионального новообразования может быть как вполне прозрачным (*бубнеж*: Л.Петрушевская. Три лица), так и иметь значение-намек (*бормталово*: Т.Толстая. Кысь). Также окказионализм может быть содержательно незагруженным, свободным. Например: *иоб* – «слово как бы не несло смысла» (Г.Щербакова. Ангел Мертвого озера). В последних двух случаях проявляется ассиметричный дуализм языкового знака, причем наблюдается смещение в сторону означающего (см. график):



Таким образом, градация окказиональных слов прослеживается на основании трех признаков: способа образования, степени членимости и семантических особенностей. Данные признаки можно представить в следующей схеме:



На оси Y представлена градация значений окказиональных единиц, на оси X — способ образования и степень членимости окказионализмов. За норму принимается узуальное слово, поскольку степень окказиональности новообразования зависит от степени его удаленности от исходного узуального слова.

Схема показывает, что при образовании окказионализмов могут нарушаться как словообразовательные, так и лексические нормы. Семантическую градацию окказиональных единиц также следует рассматривать по отношению к языковой норме.

Являясь единицей речи, окказионализм, тем не менее, реализует потенциал языковой системы. Таким образом, можно сказать, что окказиональные новообразования имеют межуровневый характер, обладают планом содержания и планом выражения.

Учитывая план содержания и план выражения окказионализма, можно определить степень его окказиональности. Чем дальше точка пересечения показателей X и Y от точки отсчета, тем выше степень окказиональности, то есть в точке Б мы можем наблюдать самую высокую степень окказиональности. В точке А самая низкая степень окказиональности, так как она расположена ближе к нулевой точке — узуальному слову.

Таким образом, градацию окказиональных единиц в зависимости от степени окказиональности можно представить следующим образом:

- 1) Слово, образованное стандартным способом, членимое и имеющее уже известное значение: *телохран* (ср. телохранитель);
- 2) Слово, образованное стандартным способом, членимое и имеющее новое четкое значение: *сестринство* – «союз сестер» (ср. братство);
- 3) Слово, образованное специфическим способом, нечленимое (или плохо членимое) и имеющее уже известное значение: *треплика* – «пустая болтовня», *подрось* – «подростки»;
- 4) Слово, образованное специфическим способом, нечленимое (или плохо членимое) и имеющее новое четкое значение. По нашему мнению, возможность создания подобного окказионализма невелика, поскольку специфический способ с трудом может передать новое четкое значение: *обоже\** (ср. протезе);
- 5) Слово, образованное обычным способом, членимое и имеющее значение-намека: *богатости* (люди или предметы), *бормоталово* (неопределенные звуки, чувства)
- 6) Слово, образованное специфическим способом, плохо членимое (или нечленимое) и имеющее значение-намека: *курь-о-курь*, *кукумаколки*.
- 7) Слово, образованное специфическим способом, членимое и имеющее непонятное значение. Думается, образование такого окказионализма маловероятно, поскольку узуальные аффиксы, использованные при создании нового слова, будут в какой-то степени намекать на его значение.
- 8) Слово, образованное специфическим способом, нечленимое и имеющее непонятное значение: *иоб*.

Представленная градация окказиональных единиц является условной и предварительной. При рассмотрении определенных сфер функционирования неузуальных слов возможно выделение дополнительных групп окказионализмов или объединение некоторых из них.

#### Литература

Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.  
 Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М., 2005.

#### **Семантический анализ словообразовательных цепей один→одинокий→одиночество; единый→уединиться→уединение**

Орлова Анна Андреевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*Одиночество* и *уединение* – этимологически родственные субстантивы, но значительно отличающиеся семантически. Расхождение их семантики предопределено, во-первых, словообразовательными процессами, во-вторых, – разным осмыслением этих феноменов в русском лингвокультурном сообществе.

Для установления языкового знания об одиночестве и уединении рассматривается сочетаемость данных субстантивов с вторичными предикатами, которые «раскрывают представления сознания о стоящей за абстрактным именем сущности» [Чернейко: 289].

Данные толковых словарей русского языка не позволяют четко дифференцировать смысловое содержание абстрактных субстантивов *одиночество* и *уединение*. Но произведенный компонентный и концептуальный анализ показал, что они различаются следующими компонентами значения:

Одиночество	Уединение
Эмоциональная, мировоззренческая обособленность, физическая изоляция необязательна.	Обязательна физическая самоизоляция, но при этом существует внутренняя связь с чем-либо.
Не контролируется субъектом.	Достигается по воле субъекта,

	контролируется им.
Чаще – негативная оценка, но возможна и позитивная.	Устойчивая позитивная оценка.
Эмоциональная составляющая.	Рефлексия – одна из главных целей уединения.
Постоянное (длительное) состояние.	Временное состояние.
Всеохватность (вокруг человека).	Мыслится как существующее отдельно от человека; четкая пространственная локализация.

Семантическое несходство рассматриваемых субстантивов объясняется и различиями в их деривационной истории. Важную роль при этом играют семантические отношения не только в пределах словообразовательной пары, но и во всей словообразовательной цепи, поскольку «разная последовательность частей речи и их комбинация в словообразовательных цепочках – это и разная последовательность, разные комбинации смыслов в них» [Тихонов: 44].

В начале обеих словообразовательных цепей закладываются как интегрирующие ('слияние с'), так и дифференцирующие ('изоляция от') семантические потенции, о чем свидетельствует набор словарных значений исходных звеньев цепей – *один* и *единый*: оба слова имеют и дифференцирующие, и интегрирующие значения. В значении субстантива *одиночество* присутствует сема 'изоляция от', сема 'слияние с' отсутствует, а *уединение* наследует от *единый* оба компонента значения (отсюда – присутствие в толковании результирующего компонента 'физическая изоляция при наличии внутреннего единства').

Воспринятыми от начального члена словообразовательной цепи *единый* оказываются и такие компоненты значения субстантива *уединение*, как 'контролируемость субъектом', 'положительность для субъекта'.

*Одиночество* сближается с *один* только в возможности негативной оценки, в реализации других компонентов значения совпадений не наблюдается (*один*, в отличие от *одиночества*, указывает прежде всего на физическое обособление человека; остаться одному можно по собственному желанию, одиночество же – неконтролируемое состояние).

Некоторые различия имеют место и в паре *единый* – *уединение*: антропоцентрично, в то время как прилагательное *единый* используется исключительно для характеристики неодушевленных объектов.

Наличие семантических различий определяется тем, что *один* и *единый* не являются непосредственными мотиваторами субстантивов *одиночество* и *уединение* соответственно: связи между ними опосредуются средними членами словообразовательной цепи.

Смысловое содержание слова *одиночество* близко одному из лексико-семантических вариантов его непосредственного мотиватора *одинокий* (семы 'мировоззренческая обособленность', 'неконтролируемость субъектом', 'эмоциональная составляющая', преобладание негативной оценки). Эта близость обусловлена тем, что *одиночество* имеет статус синтаксического деривата от *одинокий* в одном из его значений.

От производящего глагола *уединиться* субстантив *уединение* наследует свою антропоцентричность, поскольку субъектная валентность предиката *уединиться* всегда замещается именами со значением лица.

Отчетливая выделяемость в структуре понятия *уединение* семы 'контролируемость субъектом' тоже является следствием производности от глагола *уединиться*, характеризующегося морфологическими признаками возвратности и действительного залога. В отадъективном имени *одиночество* сема 'контролируемость субъектом' не может присутствовать в принципе, т.к. «быть активным нормально для глагола, но необычно для прилагательного» [Кубрякова: 47].

Именно ходом деривации можно объяснить появление у имени *уединение* локативного значения, а также возможность метонимического переноса состояние субъекта→субъект этого состояния для отадективного субстантива *одиночество* и неприложимость его к отглагольному субстантиву *уединение*.

Литература

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσεологическом освещении. М.,1978.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.,1985.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.,1997.

### **Изменения в системе словообразовательных гнезд в результате появления неологизмов**

Пак Кын Хе

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,  
Москва, Россия

В современном русском языке конца XX – начала XXI в. наблюдается активное пополнение словарного состава новыми словами, что отражают словари новой русской лексики (см., в частности, [ТСА 2006]). Многие из неологизмов не только быстро осваиваются грамматической и лексической системами языка, но и обретают свое место в системе словообразования.

При изучении новых слов с точки зрения их деривационных свойств необходимо четко разграничивать два направления «встраивания» неологизма в словообразовательную систему: 1) включение нового слова в систему способов словообразования и словообразовательных типов современного русского языка; 2) включение нового слова в систему словообразовательных гнезд (СГ), существующих в современном русском языке. Первое направление достаточно активно разрабатывается в русской дериватологии (см. исследования Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуканова, А.Г. Токтонова, Т.М. Ажиговой и многих других ученых). Гораздо меньшее внимание уделяется в специальной литературе включению неологизмов в систему СГ современного русского языка. Именно этой актуальной проблеме посвящен наш доклад, в котором рассматриваются изменения в системе СГ, происходящие на рубеже XX – XXI вв. в результате появления неологизмов. Е.В. Маринова справедливо отмечает, что «стремительное формирование словообразовательного гнезда (в случае актуализации слов) – специфическая черта функционирования русского языка наших дней» [Маринова: 429].

Как показывает анализ языкового материала, представленного в [ТСА], неологизмы могут включаться в систему СГ несколькими способами:

1) Расширять СГ, уже существующие в языке и зафиксированные в словаре [Тихонов 2003]; их условно можно обозначить как «старые СГ»;

2) Становиться вершинами новых СГ, до сих пор не отмечавшихся словообразовательными словарями русского языка.

Примерами старых СГ, распространяемых неологизмами, может служить СГ с вершиной *БИЗНЕС* (в словаре [Тихонов 2003] – СГ Б264), включавшее в XX в. лишь один дериват (*бизнесмен*); в XXI в. оно стало одним из гнезд, которые расширяются включением многочисленных неологизмов, таких как *бизнесменка*, *бизнесменша*, *бизнесменский*, *бизнес-аналитик*, *бизнес-виза*, *бизнесвумен*, *бизнес-класс*, *бизнес-клуб*, *бизнес-круиз*, *бизнес-ланч*, *бизнес-леди*, *бизнес-партнёр*, *бизнес-план*, *бизнес-право*, *бизнес-программа*, *бизнес-тренинг*, *бизнес-центр*, *бизнес-школа*, *бизнес-элита*.

Старые СГ, по данным ТСА, развиваются различными способами. Нами отмечены:

1) Распространение СГ новыми словообразовательными цепями (СЦ); так, в СГ *АВТОРИТАРНЫЙ* (А61) появилась новая СЦ *авторитарный – авторитаризм – авторитарист*;

2) Расширение словообразовательных парадигм (СП) данного СГ; так, в СГ *АГИТИРОВАТЬ* (А75) СП с вершиной *агитационный* пополнилась новыми дериватами: *агитавтобус, агитлистовка, агитматериалы, агитплакат, агитпропаганда*;

3) Развитие в данном СГ и цепей, и парадигм, ср. СГ *АВТОМОБИЛЬ* (А57), пополнившееся новыми дериватами *автодизайн – автодизайнер, автокредит – автокредитовать – автокредитование, автостраховать – автострахование – автостраховка – автостраховщик, автогражданка*.

Особого внимания заслуживают СГ, не отмечаемые в [Тихонов 2003], хотя вершины этих СГ хорошо и давно известны: это, в частности, фамилии исторических деятелей (*Сталин, Ельцин, Лужков* и др.). В образовании дериватов от подобных слов «обнаруживается тесная связь языка с современной действительностью. Имена лиц порождают целые серии производных разнообразной семантики и структуры» [Земская: 99]. Ср., например, СГ, которые построены нами с учетом дериватов из [ТСА]: *СТАЛИН – сталинизм, антисталинизм, сталинист, антисталинист, сталистка, сталинистский, сталиница, антисталинский; ЕЛЬЦИН – ельцинист, ельцинец, ельцинский, проельцинский* и т. п. Такие СГ не учтены в словарях типа [Тихонов 2003]. Но и новыми они являются не для языка, а лишь для словообразовательной лексикографии, которая до недавнего игнорировала имена собственные, делая исключение для антропонимов типа *Анна, Петр* и др. [Тихонов и др. 1995].

К числу собственно новых мы относим только такие СГ, вершины которых появились в последнее десятилетие и не отмечены в [Тихонов 2003]. Например, новое СГ с вершиной – заимствованным неологизмом *АРТ* ‘искусство’ представлено многочисленными дериватами типа *артбизнес, артгалерея, артдиректор, арткарьера, арткритик, артобъект, арт-рок, артрынок, артсовременность, арттерапия, бодиарт, видеоарт*.

В русском языке последних лет появляются также новые СГ, вершинами которых становятся слова типа *CD, DVD, ICQ* (по происхождению – англо-американские аббревиатуры), которые пишутся латинскими или же русскими буквами (ср. в Рунете: *СИДИ, си-ди; ДВД, дивиди*) и произносятся в соответствии с их графическим составом в языке-источнике. В качестве примера новых СГ, само появление которых было невозможно в доперестроечную эпоху, можно привести СГ с вершиной *PR / ПИАР*, включающее дериваты *пиаровец, пиарищик, пиарный, пиаровский, пиар-акция, пиарить, пиариться, пиаризация, пиар-компания, пиар-эффект*.

Таким образом, неологизмы последнего десятилетия интенсивно участвуют как в расширении тех СГ, что были ранее сформированы в русском языке, так и в образовании новых СГ различных типов.

#### Литература

[ТСА] – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской. М., 2006.

Земская Е.А. Активные процессы современного производства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: Проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 2003.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

## Окказиональные слова, созданные на базе прецедентных текстов (на примере нижегородских СМИ)

Самыличева Надежда Александровна

Аспирантка Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,  
Нижний Новгород, Россия

Характерной чертой словотворчества в современных СМИ стало активное вовлечение в деривационные процессы разного рода прецедентных текстов и устойчивых выражений. Прецедентными называют тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов: 216]. К прецедентным феноменам исследователи относят цитаты, «названия различных произведений, пословицы, поговорки, крылатые выражения, устойчивые, фразеологизированные конструкции» [Земская: 554]. Использование подобных феноменов связано с одной из основных тенденций современных российских СМИ – тенденцией к экспрессивизации текстов [Ильясова, Амири: 32]. Активное словотворчество на базе прецедентных феноменов свидетельствует об усилении личностного начала в СМИ и нуждается в глубоком исследовании.

Важным представляется анализ окказиональных единиц в региональных изданиях масс-медиа, поскольку эта сторона проблемы по-прежнему остается мало изученной. Изучение подобных словообразовательных «экспериментов» позволяет шире взглянуть на уровень современного словопроизводства и увидеть взаимосвязь с культурным, индивидуальным сознанием человека в определенный период.

В текстах региональных СМИ представлены различные случаи взаимодействия новообразований с базовыми прецедентными единицами.

На базе прецедентных текстов нередко возникают новообразования по конкретному образцу, который находится в составе прецедентного феномена. При деривации по конкретному образцу новообразование воспроизводит формант конкретного узуального слова. Конкретным образцом для окказионализма *пашизм* послужило узуальное *социализм* с суффиксом *-изм* в известном историческом фрагменте «социализм в отдельно взятой стране»: «**ПАШИЗМ** в отдельно взятом городе...Зовут Павла Михайловича просто Пашей, а режим управления, который сформировался в Дзержинске, называют “*пашизмом*”» (Ленинская смена, 20.08.2009).

В подобных случаях новообразование заменяет слово-образец в составе устойчивого выражения. Известная фраза В.И. Ленина «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» послужила источником для множества новообразований с суффиксом *-(из)аци(я)*, созданных непосредственно от существительных с пропуском глагольной ступени: «*e-mailизация* всей страны» (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 21.04.2006); «*сочинизация* всей страны» (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 06.07.2007).

Источником для новообразования может служить крылатая фраза (или ее фрагмент), точнее одно из слов в ее составе: «*Недураки* и дороги» («Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 29.07.-05.08.2009).

Узуальное слово в составе устойчивого выражения может выступать в качестве исходного для новообразования при заменительной деривации – субституции. При этом заменяться могут морфемные и неморфемные сегменты исходного слова. Так, окказионализм в заголовке «*Форменное одевательство*» (Понедельник, 05.10.2009) возник в результате замены префикса в существительном *издевательство* в составе фразеологизма *форменное издевательство*.

Узуальное слово в составе устойчивого выражения может стать исходным для новообразования-гибрида. Окказиональный гибрид в заголовке «*Телячьи снежности*»

(Новое дело, 25-29.12.2009) образован на базе слов *снег* (*снежный*) и *нежности* во фразеологизме *телячьи нежности*. В заголовке «Воровать мобильники теперь – ГИБДДлое дело» (Ленинская смена, 28.02.2008) новообразование является результатом гибридизации аббревиатуры ГИБДД и прилагательного *гиблое* в составе устойчивого словосочетания *гиблое дело*. В подобных случаях исследователи говорят о междусловном наложении (Янко-Триницкая Н.А. и др.), контаминации (Земская Е.А., Николина Н.А. и др.).

Достаточно активно в процесс окказионального словопроизводства вовлекаются имена собственные: известное выражение *за (кем-либо) не заржавеет* наряду с именем собственным – фамилией известного футболиста – *Аршавин* послужило источником новообразования-гибрида в составе заголовка: «За "Зенитом" не *заршавеет*» (Новое дело, 04-10.09.2008).

В ряде случаев гибридизация сопровождается формальными (графемными) изменениями в новообразовании. Фразеологизм *титанические усилия* служит базой для формирования следующего окказионализма: «ТЕКТОНические усилия нужно приложить, чтобы стать звездой танцпола» («Аргументы и факты» – Нижний Новгород, 28.01.-03.02.2009).

На базе фразеологизмов создаются и графические гибриды, в которых графически (обычно прописными буквами) выделена часть, соответствующая узуальному слову: «Мы предложили вам выбрать и прислать в редакцию имена нижегородских чиновников, которые были бы достойны премии «Все ЧИН ЧИНарем!». Основной критерий отбора – самые популярные решения «во благо народа»... Лидерство в ЧИН-параде ЧИНовников захватил мэр Нижнего Новгорода Вадим Булавинов» («Перспектив», 13.01.2009).

Также устойчивые выражения могут стать источником для графодериватов, в которых совмещаются алфавиты разных языков: «НЕ УКРАДИ!» («Новое дело», 15-21.01.2009). Дериват объединяет международное сокращенное название Украины и русскую глагольную словоформу из библейской заповеди «Не укради!».

Проанализированный материал свидетельствует о том, что новообразования на базе прецедентных феноменов характеризуются повышенной экспрессивностью и яркой оценочностью, поскольку являются средством выражения иронии, негативной оценки, а также служат целям языковой игры.

#### Литература

Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.

### **О словообразовательной активности иноязычных непроеизводных существительных с вещественным значением**

Стрижевич Екатерина Викторовна

Преподаватель Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

Проблема словопорождающих возможностей слова является одной из основных в теории словообразования. Не менее актуальным как для словообразования, так и для лексикологии представляется вопрос о словообразовательной активности отдельных лексем в различные временные периоды и в различных исторических условиях.

В данной работе в центре нашего внимания оказалась группа непроеизводных иноязычных имен существительных с вещественным значением. Под термином «иноязычный» мы имеем в виду имена существительные с корневой морфемой латинского происхождения (*серум* - из лат. *serum* (*сыворотка*)). Это примерно 18% всех непроеизводных иноязычных имен.

Чтобы определить, как проявляется словообразовательный потенциал интересующих нас вещественных имен существительных в течение последних десятилетий, мы проанализировали новые слова, образованные на базе данных лексем.

Поиск новых производных, которые отсутствуют в «Словообразовательном словаре русского языка» [Тихонов], осуществлялся по нескольким источникам ([Ефремова], [Крысин], [Новейший словарь иностранных слов и выражений], [Толковый словарь русского языка начала XXI века]).

В результате мы обнаружили новообразования примерно у 35% всех непроизводных иноязычных слов с вещественным значением.

На первой ступени деривации находится большинство (около 65%) обнаруженных нами новых слов. Здесь преобладают субстантивы со сложной семантикой, называющие медицинские препараты (*тетравакцина*), материалы (*армоцемент*), химические соединения (*спиртобензол*) и др. В единичных случаях встречаются сложносuffixальные образования, где соединительное словообразовательное значение представлено в сочетании с мутационным (*битум* → *битумовоз*).

Среди suffixальных существительных первой ступени словопроизводства, реализующих мутационные словообразовательные значения, чаще всего мы находим имена действия (*гранитизация*, *целлофанирование*). Данные производные являются продуктом чересступенчатого образования, так как не имеют сопутствующего глагола. Но, как отмечают многие исследователи и что подтверждается нашим материалом, в современном русском языке высокую продуктивность проявляют именно отсубстантивные модели на *-ация/-изация*, *-ение/-ирование*, а не соответствующие отглагольные. Продуктом чересступенчатого образования мы можем назвать и префиксально-suffixальные дериваты *десиликация*, *депарафинизация*, мотивированные непроизводными вещественными существительными *силикат*, *парафин*, что является отступлением от привычного соотношения: *де-* + имя на *-изация*.

Достаточно активно на первой ступени словопроизводства образуются и субстантивы-наименования химических соединений (*линолеат*), веществ (*ферритин*) и заболеваний (*силикатоз*, *гипервитаминоз*).

Модификационное словообразовательное значение реализуется только в одном suffixальном производном со значением подобию (*гранитоид*).

Адъективный блок производных первой ступени деривации представлен в основном сложными прилагательными, базовая основа которых используется в качестве первого компонента сложения (*феррит* → *ферритдиодный*). Реже встречаются suffixальные дериваты, образованные с помощью общеотносительных инвариантных формантов *-н-* (*микстурный*) и *-ов-* (*адреналовый*).

Также мы обнаружили одно глагольное производное *купоросить* 'покрывать раствором купороса'.

На второй – четвертой ступенях словопроизводства (35% всех новых слов) преобладают сложные (*асбестобитумный*) и suffixальные (*дивиниловый*, *цементуемый*) адъективные производные. Одно прилагательное образовано префиксальным способом (*безмедикаментозный*).

Субстантивный блок производных не первой ступени деривации составляют в основном сложные существительные (*нитроцементация*). Кроме того, обращают на себя внимание несколько нерегулярных отадъективных образований, например, универбат *провизионка*.

Производство глаголов на последующих ступенях деривации несколько активизируется (*припудрить*). У одного производного *купороситься* наблюдаем развитие переносного значения 'сердиться'.

Таким образом, проанализировав найденные нами новые слова, как непосредственно, так и опосредовано мотивированные непроизводными иноязычными именами существительными с вещественным значением, мы обнаружили следующее.

1. Словообразовательный потенциал данных лексем реализуется в основном в направлении сложных субстантивных производных с вещественным значением, основная масса которых сосредоточена на первой ступени деривации. Адъективные производные мы встречаем реже, глаголы – в единичных случаях, а наречия вообще отсутствуют. Основная область применения новых слов – профессионально-терминологическая (*броминдиго, платобазальт*), а новообразования, характерные для разговорной речи, довольно малочисленны (*линолеумщик*).

2. Наибольшую словообразовательную активность в последние десятилетия проявляют базовые основы нейтральной и общепотребительной лексики (*витамин, пудра, спирт*), семантика которых тесно связана с важными для человека сферами жизни (строительство: *цемент*, лечение: *вакцина*). Словообразовательная пассивность большинства рассматриваемых лексем объясняется отнесением их к узкоспециальным сферам употребления (*цезий*). Активизации же деривационного потенциала вещественных имен способствует интенсивное развитие таких наук, как химия, геология, медицина, что и приводит к расширению терминологической базы соответствующих дисциплин (*адреналин* (6 новых производных), *радий* (8 новых производных), *силикат* (11 новых производных)).

#### Литература

*Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000.

*Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2001.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2007.

*Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1990.